

Ованес Туманян

Райский цветок

Жил некогда на свете купец. Была у него дочь, и звали ее Цахик — цветок. Она и впрямь была как цветок — такая нежная, такая милая, такая красивая. Отец души не чаял в дочери. Собрался он как-то в чужедальные края и спрашивает:

— Чего тебе привезти, дочка?

— Привези мне райский цветок.

— Хорошо, — говорит, — привезу.

Отправляется он в путь, ездит из страны в страну, торгует. А, покончив с делами, принимается искать райский цветок, чтобы подарить дочери. Тут про него спрашивает, там про него спрашивает — никто слыхом не слыхал, что это такое, райский цветок, и где он растет.

Встречает, в конце концов, одного старика. Тот указывает ему дорогу: пойдешь, говорит, по этой дороге туда-то и туда-то и найдешь свой цветок. Только опасайся, говорит, Белого дэва, он его стережет.

Отец, он и есть отец. Как говорил старик, так он и идет. Долго ли идет, коротко ли, добирается наконец до того места, где растет райский цветок. А едва потянулся к нему, подымается вихрь, подымается ураган, с ним вместе возникает откуда ни возмись чудище. Человек не человек, зверь не зверь, но рычит наподобие зверя.

— Ты зачем сорвал мой цветок? Тебе за это смерть!..

— Смерть... Смерть... — отозвалось все кругом. Купец в страхе падает перед чудищем на землю.

— Прости, — говорит, — о могучий! Дочке хотел приятное сделать.

— Прощу, — рычит чудище в ответ, — коли ты отдашь мне свою дочь.

— Хорошо.

— Раз хорошо, дарю тебе жизнь. Ступай. И запомни, как только гора напротив вашего дома побелеет, я приду за Цахик. Это будет мой знак.

Это чудище и было Белым дэвом.

Возвращается купец домой. Дочка с радостью выбегает его встречать, бросается на шею. Отец целует ее, протягивает райский цветок, а обо всем, что с ним приключилось, и о своем уговоре с Белым дэвом — ни звука. Ни звука-то ни звука, но сам только про это и думает, и съедает его тоска. Чем больше проходит времени, тем сильнее он тоскует. Встает как-то поутру, глядь — гора напротив их дома побелела. Тут он и заплакал. А как стали его выпрашивать, не смог больше таиться и поведал об всем: так, мол, и так, я слово дал, вскоре Белый дэв придет за Цахик.

— Не беда, отец, — говорит Цахик, — не плачь. Я пойду с Белым дэвом, будь что будет.

А Белый дэв тут как тут — ломится в дверь и рычит:

— Где Цахик, где она?.. Отдайте мне ее! Рычит, и от ледяного его дыхания дрожат деревья и темнеет вся окрестность — куда уж там людям тягаться с ним! Вывели они Цахик, принаряженную, красивую, с райским цветком в руке, и дали Белому дэву, а тот нагнал на нее со зловещим посвистом и жутким ревом холод и темь, подхватил крыльями вихря и унес в мгновение ока. Унес он ее в бездонную пропасть в расщелине Масиса. Там, в бездонной той пропасти, в неприступном, объятom стужей и мраком краю стоял его хрустальный чертог. Из этого чертога и спускался он на землю, оведал мир морозом и ужасом, подхватывал и уносил все живое, что попадалось ему на пути. Унес и заточил в хрустальном своем чертоге и прекрасную Цахик.

И потянулись месяц за месяцем. Как-то раз в начале весны, когда Белого дэва не было дома, девушка решилась бежать. Воротился дэв, а Цахик-то и нет. Взъярился он, собрал всю свою колдовскую силу и, завывая как вихрь и свистя словно змеи, кинулся в погоню. Девушка между тем добежала до подножия Арагаца. Оборачивается и видит — настигает ее Белый дэв. Настигает, ох, настигает — упаси ее бог и помилуй! Кричит она от страха, зовет на помощь. Едва позвала, бог распахнул перед нею дверь. Вошла она в недра горы, и дверь прямо перед носом у Белого дэва захлопнулась.

Ярится дэв пуще прежнего, бьется широченными своими крыльями о вершину Арагаца и рычит:

— Где Цахик, где она?.. Отдайте мне ее!

Пусть он себе здесь рычит, мы пойдем следом за Цахик да поглядим, что же с нею случилось, когда вошла она в волшебную дверь.

Входит Цахик в волшебную дверь, оказывается в райских кущах и слышит тысячеголосую песню:

В золоченом гробу, в изумрудном дворце,

Злою силою замороженный,

То ли жив, то ли мертв — ни кровинки в лице —

Спит Ари, от всего отрешенный.

Так и будет, пока не рассеет она

Эту силу волшебную злую,

С новой жизнью и новой любовью, нежна,

Храбреца не оплачет, целуя.

Цахик идет и идет, а сад внезапно наполняется ликующим гулом и отовсюду доносится радостная песня:

Вот пришла его царица,

Из неведомой земли.

Скоро к жизни возродится,

Царь Ари-Арманели.

Скоро встанет, улыбнется,

Наш Ари-Арманели.

Чтоб опять светило солнце,

И опять цветы цвели.

Колдовство твое слабеет,

Лютый ворон, Белый дэв.

Снова жизнь зазеленеет,

Всей землею завладеет.

И впрямь, идет Цахик — и что же видит? Посреди сада — изумрудный дворец, во дворце — золоченый гроб, а в гробу — прекрасный юноша, то ли жив, то ли мертв, спит, едва дыхание теплится. Видит это Цахик, сжимается у нее сердце, мочи нет терпеть, и слезы сами льются из глаз. Наклоняется она и целует юношу. Слезы капаят юноше на лицо, он открывает глаза и вдруг встает — стройный, как явор в раю.

Он, этот юноша, и был Ари-Арманели.

— Кто ты, красавица, — спрашивает Ари-Арманели, — и как здесь очутилась? Цахик поведала про то, что с ней приключилось, про то, как стала она пленницей Белого дэва, и про то, что он гонится теперь за нею.

— Слышу, слышу страшный его голос, — говорит Ари-Арманели. — Он и меня заколдовал, погрузил несколько месяцев назад в этот похожий на смерть сон. И так — каждый год. Я остаюсь заколдованным, покуда кто-нибудь не рассеет его чары. Ныне их рассеяла ты. Сейчас я буду биться с ним.

Как сказал, так и сделал. Взял меч-молнию и вышел. Стали лицом к лицу две враждебные силы и схватились в роковом поединке. Крушат друг друга, разят друг друга — все смешалось, и не понять, где небо, где твердь. Грохочет в темных тучах Белый дэв, грозно сверкает меч-молния в руке Ари-Арманели, и сотрясается, ходуном ходит земля. Наконец разбитый и поверженный, Белый дэв, плача и захлебываясь слезами, урча и шумя потоками, убирается в мрачное свое Царство, в бездонную пропасть на Масисе, и запирается в своем хрустальном ледяном чертоге. И мир достается прекрасному победителю.

И начался в долине Аракса чудесный, дивный праздник. Ари-Арманели и Цахик обвенчались. И природа щедро явила на свет свои несказанные красоты, и слились воедино гомон и щебет, трели и песни неисчислимых пичуг и птах, и взыграло и возликовало все живое и сущее, и поверх всего вознесла волшебную свою арку семицветная радуга, а над нею сияло и улыбалось миру животворное весеннее солнце.

И этот праздник повторяется каждый год, потому что каждый год Белый дэв околдовывает юношу Ари-Арманели и похищает прекрасную Цахик.